

Евнух Ван принес тонкую сине-черную нефритовую пластинку, которая походила на каплю яда, просочившуюся из преисподней и мгновенно отравившую застоявшуюся воду, в которой едва теплилась жизнь дворца Чжумин.

Она беззвучно лежала на дрожащей ладони А Ин. Пластинка, размером не больше ногтя, была тонкой, как крыло цикады, а ее края казались настолько острыми, что, казалось, могли прорезать самый взгляд. Искусно вырезанные на ней извилистые руны, словно щупальца какого-то живого существа, в тусклом свете свечей источали вязкий, леденящий душу холод.

Казалось, даже теплый, как весенний день, аромат лекарств и благовоний в покоях застыл под воздействием этого крошечного кусочка нефрита.

— Проклятие колдунов Южного края... — голос евнуха Вана был пропитан страхом, проникающим до самых костей. Он сгорбился, понизив голос до шепота, но каждое слово отчетливо отдавалось в сердцах присутствующих. — В молодости, когда я сопровождал армию, я видел подобное на юго-западных рубежах... Это крайне зловещая вещь! Говорят, если носить ее при себе, она незаметно высасывает жизненные силы, притягивает злых духов и доводит человека до крайнего истощения... в конце концов... в конце концов, жизнь угасает, как догорающая свеча! Спрятать ее так искусно... это, это же хотят свести молодого господина в могилу!

Тишина. Удушливая, мертвая тишина.

Лицо А Ин мгновенно потеряло все краски. Ее руки, державшие пластинку, дрожали, словно осенние листья на ветру, и она в ужасе посмотрела на Се Цинъяня, лежащего на кушетке.

Тихое потрескивание углей в жаровне сейчас казалось оглушительным.

Взгляд Се Цинъяня был намертво прикован к сине-черной пластинке.

Еще мгновение назад он был не в духе из-за всех этих нелепых безделушек Сяо Чэ, которые, несмотря на свою вульгарную роскошь, почему-то находили отклик в его душе, заставляя его нервничать и злиться на самого себя из-за странного, почти ломающего его волю волнения.

Шок от той испорченной нефритовой подвески еще не прошел, а насмешливое удивление от роскошного фонаря в виде кролика все еще заставляло уголки его губ подергиваться.

Но теперь, перед лицом этого пропитанного злом ядовитого нефрита, все это было мгновенно стерто в порошок!

Ледяной холод, словно ядовитая змея, стремительно пополз вверх по позвоночнику, в одно мгновение сковав все тело. Казалось, даже непрекращающаяся ноющая боль в ладонях на время онемела от этого пронизывающего мороза.

Вся растерянность, хаос, неуместное волнение и внутренние насмешки были смыты этой неприкрытой, смертоносной жаждой убийства!

Шэнь Янь! Очнись! О чем ты думаешь?!

Холодный и строгий голос прогремел в его сознании.

Это дворец, здесь пожирают людей! Это не игра, где нужно проходить любовные квесты! Тот мужчина — император, тиран! Все его проявления доброты могут оказаться мышьяком, обернутым в сахарную глазурь! Ты забыл, как он тебя сюда притащил? Забыл, что Линь Мые все еще гниет в темнице, и неизвестно, жив ли он? Забыл, откуда у тебя эти раны, из-за которых ты едва не лишился рук?!

Твои недавние сомнения... это просто смешно! Глупо!

Программное мышление инженера Шэнь Яня мгновенно взяло верх над всеми эмоциями.

Он насильно классифицировал недавнее волнение в душе как логическую ошибку, вызванную травмой, и иррациональное сочувствие к человеку из его детских кошмаров. Словно удаляя избыточный, вредоносный код, он стер и изолировал эти чувства. Основная директива системы была одна: выжить.

Он, Шэнь Янь, должен жить! Он должен вернуться в современный мир, к родителям, он не может умереть! Ни в коем случае!

Он посмотрел на евнуха Вана, взгляд его был острым, как лезвие клинка. Он беззвучно, одними губами отдал приказ:

— Разузнай! Кто держал в руках эти книги?

Евнух Ван сразу все понял и прошептал в ответ:

— Этот сборник писчей бумаги Десять бамбуковых студий был выдан из хранилища Павильона Вэньюань по приказу Его Величества. Кроме начальника архива и дежурного евнуха, его доставлял в дворец Чжумин Сяо Шуныцзы... Я сейчас же... — он сделал скрытный жест.

Се Цинъянь слегка покачал головой, призывая его к спокойствию. Он с трудом поднял правую руку, которая пострадала меньше, указал на ядовитый нефрит в руках А Ин, сделал жест, означающий спрятать, и в конце коснулся своего сердца, глядя на них холодно и решительно.

А Ин мгновенно поняла его. Она побледнела еще сильнее, но, стиснув зубы, решительно кивнула:

— Господин, не беспокойтесь, служанка знает, что делать! Эту вещь... я спрячу ее так, что никто и не догадается! Ни за что не позволю ей снова оказаться рядом с вами! — она осторожно завернула нефрит в промасленную бумагу и крепко сжала в ладони, словно держала раскаленное железо.

— А что насчет Его Величества... — нерешительно спросил евнух Ван.

В глазах Се Цинъяня промелькнул сложный холодный блеск. Он медленно покачал головой.

Рассказать Сяо Чэ? А что потом? Спугнуть змею? Позволить тому, кто скрывается в тени, затаиться еще глубже? Или... возможно, это само по себе является проверкой? Испытанием от Сяо Чэ, чтобы увидеть его реакцию? В конце концов, предмет был прислан от его имени.

Он не мог доверять никому, особенно этому глубокому и непредсказуемому императору. Сейчас единственное, на что он мог положиться, — это он сам.

Он закрыл глаза, глубоко вздохнул, и когда снова открыл их, в его взгляде осталась лишь холодная ясность и отчужденность.

Вся его хрупкость, растерянность и даже те сложные чувства, которые Шэнь Янь питал к Сяо Чэ, были заморожены под толстой маской.

Он больше не был тем Шэнь Янем, который мог посмеяться над фонарем-кроликом, и не был тем Се Цинъянем, чьими чувствами полностью управлял оригинал. Он был выжившим в этой дворцовой клетке, пленником, который должен быть бдительным и осторожным на каждом шагу.

Он поманил А Ин ближе и едва слышным шепотом, по слогам, приказал:

— Распусти слух... что мне стало хуже... я бьюсь в лихорадке и брежу... боюсь... боюсь, что не доживу до рассвета...

А Ин широко раскрыла глаза, с недоверием глядя на него:

— Господин! Это...

Взгляд Се Цинъяня был холодным и непреклонным, не терпящим возражений. Притвориться слабым, чтобы выманить змею из норы.

Это была единственная возможная стратегия. Он должен заставить врага поверить, что план удался, и ослабить бдительность. В то же время... это была проверка самого Сяо Чэ.

Посмотрим, как отреагирует император, услышав о его критическом состоянии. Будет ли это беспокойство? Холодное равнодушие? Или... нечто иное?

А Ин, глядя в глубокие, как холодная бездна, глаза Се Цинъяня, вздрогнула.

Господин перед ней словно переродился в одно мгновение, и этот холод в его глазах заставил ее почувствовать страх и благоговение. Она решительно кивнула:

— Служанка... поняла! Я сейчас же все устрою!

В покоях снова воцарилась тишина. Се Цинъянь прислонился к мягкой подушке, его лицо в свете свечей казалось еще более бледным и прозрачным, словно тонкий фарфор.

Он посмотрел в окно на густую ночную тьму. Огни дворца Чжумин казались такими крошечными и одинокими в этом бесконечном мраке. Те безделушки по-прежнему были разбросаны по комнате, но теперь они казались лишь холодными насмешками.

Испорченная нефритовая подвеска, роскошный фонарь, глиняные фигурки... Кратковременное заблуждение и волнение, вызванные ими, теперь казались до жути абсурдными.

Шэнь Янь внутренне усмехнулся: Ну что, где твоя сила воли? Чуть было не поддался на сахарную приманку! Настроение меняется быстрее, чем перезагружается зависшая система! Сейчас не время думать об этом! Главное — выжить!

Он медленно поднял правую руку, бессознательно глядя на тонкий шрам в форме полумесяца на запястье. Это был источник наваждения Сяо Чэ и начало всех его страданий. Прохладное прикосновение помогло его смятленным мыслям окончательно успокоиться.

В этот момент снаружи слышались торопливые шаги и приглушенные голоса.

Двери распахнулись с грохотом! В покои ворвался ночной ветер, принес с собой знакомый аромат драконьей благовонии, смешанный с холодом улицы!

— Цинъянь!

Голос Сяо Чэ, исполненный невиданного доселе ужаса и едва уловимой дрожи, внезапно разорвал тишину. Было очевидно, что он бежал всю дорогу: на его темном плаще еще виднелись нарастающие снежинки, прическа была растрепана, а дыхание сбивчиво.

Его глаза, обычно бездонные и скрывающие бурю, сейчас были полны неприкрытой тревоги и страха. Подобно дикому зверю, на которого наступили, он устремил взгляд на Се Цинъяня, лежащего на кушетке с мертвенно-бледным лицом и закрытыми глазами.

— Императорский лекарь! Где этот лекарь?! Как он?! — Сяо Чэ подскочил к кушетке, его голос сорвался на хриплый крик, он совершенно забыл о подобающем императору величии.

Он даже не заметил евнуха Вана и А Ин, стоящих на коленях. Его взгляд был прикован к Се Цинъяню. Он протянул руку, словно желая прикоснуться, но, увидев густо перебинтованные руки, замер, и его пальцы мелко задрожали.

Се Цинъянь по-прежнему держал глаза закрытыми, его длинные ресницы отбрасывали хрупкую тень на щеки, дыхание было слабым и прерывистым. Он отчетливо чувствовал этот обжигающий, тревожный взгляд на своем лице и дыхание, полное паники и страха, совсем рядом.

Слух о критическом состоянии, распущенный А Ин, сработал мгновенно.

Реакция Сяо Чэ... неужели она настоящая?

Едва уловимое волнение пробежало по холодной глади сердца Се Цинъяня, но было мгновенно подавлено еще большей бдительностью.

Игра? Или искренние чувства? После того как он увидел ядовитый нефрит, он не мог позволить себе рисковать. И не должен был.

Он продолжал изображать беспамятство, словно не чувствуя ничего вокруг.

Лишь он сам знал, что под широкими рукавами его пальцы изо всех сил впиваются в ладони, используя боль, чтобы сохранить абсолютную ясность и хладнокровие.

Этот спектакль, где ставкой была его жизнь, только начинался.

Змея в тени, император на троне и душа, борющаяся в этом израненном теле... Партия в этой дворцовой игре была полна опасностей, и он должен был сделать каждый ход безупречно.

<http://bllate.org/book/20749/2080025>